

Р.Б. Хаджиев

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Резак Бек Хан Хаджиев

**Жизнь и смерть
генерала Корнилова**

«ВЕЧЕ»

1929

Хан Хаджиев Р.

Жизнь и смерть генерала Корнилова / Р. Хан Хаджиев —
«ВЕЧЕ», 1929 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-7843-7

Эта книга удивительным образом отличается от многих написанных про генерала Корнилова. Ее автор – Резак Бек Хан Хаджиев – на протяжении нескольких лет был близок к известному генералу и возглавлял его личный конвой из Текинского конного полка, сформированный из жителей Туркмении. С восточной прямотой офицер Хан Хаджиев пишет о своем генерале – «Великом бояре», как называли Корнилова преданные ему всадники из Азии. Книга рассказывает о первых боях Добровольческой армии и трагической смерти генерала Л.Г. Корнилова.

ISBN 978-5-4484-7843-7

© Хан Хаджиев Р., 1929

© ВЕЧЕ, 1929

Содержание

Часть первая	6
Ахал	6
Текинский конный полк	10
Начало моей карьеры	14
Я в роли балетной танцовщицы	16
Офицеры	22
Мистул бояр, его лошадь и полярная звезда	24
Трехчасовые чай	26
Свободушка	28
Зыкач сердится	31
За палау (За пловом)	33
Присяга	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Резак Бек Хан Хаджиев

Жизнь и смерть генерала Корнилова

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Ахал

На месте бушевавших когда-то волн морских бушует сейчас огромное море песков. Это море тянется до Аму-Дарьи, захватывая части Хивы и Бухары, и другой стороной доходит до Афганистана и Персии. Это огромное песчаное пространство называется Ахалтекинским оазисом. Жители этих песков – текинцы, выброшенные беспощадными песчаными волнами к подножию гор, принуждены были вести здесь жалкое существование, полукочеевое и полуседлое. Со словом «оазис» невольно связывается представление о богатой растительности, воде, о райском уголке среди раскаленных песков. Ничего подобного в Ахалтекинском оазисе нет, и само слово «оазис», данное ему, звучит горькой иронией. Оазисом его с большой натяжкой можно было бы назвать, разве сравнивая с каракумской пустыней, где нет никакой растительности и даже мало-мальски хороших колодцев. И все же, несмотря на это, казалось бы, невозможное существование, среди этих песков когда-то, очевидно, цвела культурная жизнь, – об этом свидетельствуют редкие по красоте развалины мечетей, сохранившиеся в аулах Дуруне и Анау, которые насчитывают по шестьсот лет со времени своей постройки. Эти строения доказывают вкус и умение своих строителей. Палящие лучи солнца, переносные волны песков явились главной силой разрушения культуры этого оазиса, превратившей его в мертвое море песков. При виде этих печальных пустынь невольно задаешь себе вопрос, почему жители их не ищут места получше или не устраивают жизнь здесь более сносно? Но, разобравшись, ясно видишь, что к этому их принуждают естественные обстоятельства. Главным из них является то, что текинцев чистой расы как таковых не существует, ибо в населении оазиса смешалась кровь разных наций, а именно: хивинцев, узбеков, афганцев и персов.

Текинцы во многом напоминают запорожцев, так как их племя образовалось аналогично Запорожью. Как в Сечь со всех концов России бежали все, кому трудно в ней жилось, так и в Ахал бежали со всех мест Туркестана люди всех сословий. Все они предпочитали перенести какие угодно лишения жизни в пустыне, лишь бы отстоять свою личную независимость. Многие из этих беглецов погибли, не вынеся тяжелой борьбы с обстоятельствами, но оставшиеся в живых образовали сильное, закаленное и выносливое племя. Это-то племя благодаря тяжелым климатическим условиям не могло жить оседлой жизнью и принуждено было искать иные пути и средства к существованию. Само собой разумеется, что самыми легкими из них явились частые набеги на ближайших богатых соседей – персов, живущих оседлой жизнью. Все прибежавшие сюда в Ахал объединились в банды. Сначала эти банды не были организованы и не признавали власти одного общего начальника над всеми. От вступившего в банду требовалась лишь удаль во время набегов. Эта удаль и храбрость подчиняли банду своему обаянию и постепенно силою самих вещей такие храбрецы являлись начальниками банды. Их называли бахадурами, слагали в их честь песни, память о них сохранялась, переходя из поколения в поколение, и могилы их считались священными.

Разница между Запорожской Сечью и ахалтекинским племенем была та, что здесь не было войн за веру. Несмотря на то что все прибежавшие сюда были магометане, они не исповедовали какую-нибудь отдельную религию. Верили в Единого Аллаха – Хозяина вселенной и не фанатиками умирали в боях, не за религиозный символ, а ради добывания средств к существованию. Вторая разница между Запорожской Сечью и «Текинской Сечью» была та, что у запорожцев не допускалось присутствия женщин, и оно даже строго наказывалось, в то время как здесь присутствие женщины считалось прямо желательным. Если в первое время у текинцев не было женщин, то только потому, что длинные и тяжелые переходы по пескам были невоз-

можны для женщин. Но женщин они себе искали и с оружием в руках добывали жен для себя у соседей. С появлением семей и детей передвижение по пустыням становилось все труднее и труднее. Это обстоятельство принудило текинцев искать более оседлого образа жизни. Они набрасывались на персов, разрушали их города и села, смешивались с населением и наконец осели, образовав племя ахал-теке, что означает «молодое племя» или «новое племя» – название, которое за ним сохранилось до сего времени. Таким образом, с переселением текинцев на новые места каракумские пески опустели.

Поселившись недалеко от персов и обзаведясь семьями, текинцы волей-неволей должны были изменить свой прежний образ жизни. Многие из них стали заниматься скотоводством, но врожденная страсть к набегам все еще прочно жила среди них, да к тому же, несмотря на более оседлый образ жизни, текинец все еще был очень беден, и добыча, захватываемая в набеге, служила ему большой помощью в его хозяйстве.

Переменив свою прежнюю жизнь, казалось, на лучшую, текинец все-таки продолжал жить в довольно тяжелых условиях, непрерывно борясь с природой. Одним из упорных врагов текинца являлась вода, которая не хотела подчиниться его воле. Понимая огромное значение воды в своей жизни, текинец упорным тяжелым трудом в конце концов заставил ее подчиниться себе. Борьба с водой брала почти всю жизнь текинца. Из-за нее он мало обращал внимания на другие средства и силы природы. Подчинив воду себе, он в то же время сделался ее рабом, приспособляя свой образ жизни к ее причудам. Таким образом, тяжелая борьба за существование наложила на него своеобразный отпечаток, отличающий текинца от других народностей в Средней Азии.

Суровый климат заставил текинца приспособить к нему свой быт и одежду, довольно смешную для европейского взгляда. Представьте себе текинца, одетого в два ватных халата, опоясанного длинным и широким шерстяным поясом (кушак), в огромной папахе, обливающегося потом под шестидесятивосьмиградусном зное. В этом же самом платье вы можете увидеть текинца и во время самого свирепого мороза. Не имея никакого представления о гигиене или медицине, он инстинктом предохраняет себя от заболевания, нося в течение всех времен года свою странную одежду. Поступая иначе, текинец неминуемо погиб бы от резкой перемены климата. Этот же климат также заставил его придумать для себя тоже довольно странное для европейского взгляда жилище. Спасаясь от холода и в поисках пастбищ для своих животных, текинец на зиму уходит в пески, где холод чувствуется не так сильно. С началом же весны он возвращается опять к подножию гор для посева хлеба. Естественно, что при таком образе жизни ему нужно было придумать специальный дом, легко собирающийся и разбирающийся, а также легко перевозимый с одного места на другое. Этот дом называется кара-уй (кибитка или юрт). Остов юрта состоит из тонких жердей, сложенных в клетку, прикрепленных друг к другу крепкими ремешками; позволяющими быстро собрать и разобрать юрт в нужную минуту. Кара-уй обыкновенно бывает круглый. Деревянный остов кара-уя покрывается войлоком (кошмой), оставляя в центре крыши отверстие, которое можно открыть и закрыть при желании. Этот дом удобен тем, что летом он дает хорошую прохладу – стоит только приподнять стены кошмы. Зимой же, благодаря тем же кошмам, плотно закрывающим остов, кара-уй хорошо сохраняет и тепло.

Обстановка у текинца очень бедная, но зато поражает изобилие чудных ковров, развешанных по стенам и разостланных на сухом песке, служащем полом, столом и кроватью текинца. В некоторых семьях можно встретить сундуки, но эта мебель довольно редка, так как ее трудно перевозить. Обыкновенно же текинцы хранят и перевозят свои вещи в красивых больших и малых ковровых переметных сумах, которые легко приторачиваются к крупу лошади или к седлу верблюда. Посуды у текинца тоже очень мало. Кроме котла для приготовления пищи, медного сосуда для воды (тюнг), чайника для зеленого чая, который текинец очень любит, и деревянных чашек и ложек, – ничего нет. С ножом и вилкой текинец незнаком,

но каждый из них имеет чиникал (кожаный футляр), в котором хранится пиала для гёок-чая. Единственный нож, который текинец носит за поясом, служит ему во всех случаях жизни. Как видно, все имущество и дом текинца просты, несложны и для своей перевозки не отнимают много места и времени. Все имущество и дом свободно можно погрузить на двух верблюдов. Для того чтобы собрать и разобрать кибитку, нужно от четырех до шести часов. Обыкновенно эту работу выполняют женщины.

Пища текинца тоже проста и несложна, как его жилье. Ест текинец очень мало. Суп, чурек, зеленый чай и верблюжье молоко (как его называют текинцы, «чал») составляют обычную несложную еду текинца. Летом к ней прибавляют еще дыни, арбузы и фрукты. Мясо текинца ест очень редко – один-два раза в неделю, так как каждое животное для него дорого. О плитах и о каких-нибудь печах не может быть и речи. Чтобы приготовить себе пищу, текинец вырывает в земле яму с поддувалом по размеру котла. На дне этой ямы разводит огонь, а сверху наставляет котел. Вот и вся незатейливая печь текинца, называемая «очаком». Чурек тоже готовится очень просто: выкапывается яма глубиной в один аршин в виде горшка. Стены этой печки смазывают глиной, а в середине раскладывают огонь. Пока стенки печки накаляются, текинка готовится тесто – разводя муку с водой и солью. Обыкновенно, разостлав халат на землю и на нем приготовив тесто, она налепляет тесто на накалившиеся тем временем стенки печки. Сверху печку закрывает, и через десять минут чурек готов. В песках во время передвижения, где невозможно выкопать яму, хлеб пекут следующим образом. На песке раскладывается костер из саксаула. Когда песок накален, кладут на него лепешки, прикрыв сверху золой.

Громадная площадь Закаспийской области страдает недостатком воды. Орошается она только тремя маленькими речонками: Кушкой, Тедженем и Мургабом. Ясно – воды этих трех речонек не могли удовлетворить нужды текинца, поэтому-то он принужден был всяческими способами разыскивать воду и подчинять ее себе. Дикий кочевник, незнакомый со строительным искусством, не зная о существовании каких-либо инструментов, выстроил замечательное строение, так называемый «кяриз» – водопровод, который до сих пор вызывает невольное чувство удивления. Если поблизости не было воды, то текинец отыскивал озеро или источник и из него проводил подземные галереи к тому месту, где была нужна вода, не считаясь с тем, какое расстояние при этом нужно было преодолеть. Эти галереи делались для того, чтобы верхний слой земли, прикрывая собой воду, охранял ее от палящих лучей солнца, испарения и засорений. Кяризы стоили огромного труда, не говоря о деньгах и человеческих жизнях. Поэтому-то текинцы следят строжайше за их чистотой.

Делаются кяризы таким образом. У найденного источника выкапывается колодец глубиной пятнадцать саженей и больше. От этого большого колодца идет ряд других, все мельче и мельче, но все же самый мелкий колодец не бывает мельче пяти саженей. Таким образом текинец, сделав подземное искусственное русло, подводит воду, куда ему нужно.

Есть другого рода кяриз, но для устройства его требуются подземные воды. Чтобы построить эти сооружения, нужно было обладать большой находчивостью и умом.

Там, где не видно воды, текинец каким-то свойственным ему чутьем находил подземную воду, часто на довольно значительной глубине.

Такая бесперывная жизненная борьба наложила известный отпечаток на все существо текинца, выделяя его от других соседних племен. В особенности эта разница заметна во взгляде его на женщин. Текинские женщины ничуть не похожи на других мусульманских женщин, которые проводят всю свою жизнь в гареме, но они не похожи также и на европейских женщин, так как текинки разделяют все тяжести жизни и работы с мужьями наравне. Она равноправна. Сама жизнь не дала текинцу поставить жену в затворничество гарема, так как он один не мог бы справиться с тяжелой работой дня, а сделать из нее работницу, свалив всю эту работу только на нее, он тоже не мог, ибо за свою лень и бездействие он непременно и дорого бы поплатился.

Климатические условия страны, например, не дают возможности задерживать уборку хлеба дольше положенного времени, так как хлеб легко может погибнуть. Муж и жена идут работать совместно, а совместный труд уравнивает оба пола. После уборки хлеба наступало время, когда текинцу надо было идти в набег. Группу людей во главе с вождем, идущих в набег, называли аламаном. В аламан текинец шел, оставив дом и хозяйство свое жене и будучи уверен, что, когда он вернется, все будет на своем месте. Будь его жена не равноправным членом семьи и изнеженным существом, она не сохранила бы при этом хозяйство, и оно пришло бы в упадок. Женщины вступают и в бой в случае нападения на аул в отсутствие их мужей. Вечная борьба с природой и окружающими племенами послужила главной причиной развития физических сил текинок.

Бесперывная борьба, набег и переходы с места на место не могли дать текинцу особенно глубокое религиозное воспитание. Холодное отношение текинцев к религии освободило их от некоторых мусульманских обрядов. Например, они до сих пор придерживаются обычая красть себе жену и платить «калынг» (калым), который, кстати сказать, платится с каждым годом все меньше и меньше.

В борьбе с водой, в земледельческих работах главная доля труда выполняется женщинами.

Несмотря на непрерывный и тяжелый труд, все плоды его не могли достаточно удовлетворить текинца. Недостатки своего хозяйства он пополнял набегам на своих соседей: персов, бухарцев, хивинцев. Собственно для этого и складывалась организация банд. Во главе таких банд – аламанов – являются Ханы, или Сердары, которые и ведут их в набег. Ханы выбирались из тех текинцев, которые выделялись исключительной храбростью и умом. Такой Хан никогда не принуждал своей волей аламан идти в набег. Объявление похода происходило так. Вождь перед своей кибиткой втыкал в землю пик с конским хвостом, давая знать этим, что он готов к набегу. Желаящие идти с ним втыкали свои пики рядом. Когда по числу пик Сердар видел, что желающих идти с ним довольно, аламан был готов и шли в набег. Чем больше мог привлечь к себе людей Сердар, тем популярнее он был среди текинцев. При аламани не было ни кухонь, ни обоза. В большинстве случаев еда джигитов состояла из жареных зерен пшеницы или муки, разведенной водой, т. е. «чурека» и гёок-чая.

Аламан, внезапно врываясь в села и города и нередко разбивая многочисленную армию персов, уводил жителей как рабов для продажи в Хиву и Бухару или оставлял их у себя для тяжелой работы. Очень часто пограничные персидские крепости превращались аламаном в развалины, и эти развалины стоят до сих пор. Эти частые набег воспитали в текинце храбрость и предприимчивость, вселив уверенность в его непобедимость. Это дорого обошлось и русским при покорении Ахала, а после так пригодилось Великому бояру.

Спустя почти полвека потомки этих храбрецов, бывших врагов России, по одному зову Великого бояра, сказавшего им, что Россия в опасности и что надо выручать ее, пошли за ним безропотно, перенося все тяжести и также безропотно гибли в бою с предателями России – в то время, когда многие и многие миллионы русской интеллигенции занимались словоговорением и оставались глухи к призыву Великого бояра.

Хотя, быть может, большинству читателей и не будет интересен мой рассказ о каком-то Текинском конном полку, о существовании которого абсолютно неизвестно среди 75 % русской интеллигенции, все же я хочу писать об этом. Думаю, что всякий мыслящий человек найдет это мое желание естественным, так как описание организации и жизни Текинского полка с исторической точки зрения есть не что иное, как изображение процесса, которым сложилась вооруженная сила из бывших врагов России, которые, поняв тяжелое положение ее, первые пошли на ее защиту и честно исполнили свой долг до конца.

Текинский конный полк

Текинский конный полк, о котором я собираюсь писать, совершенно не был похож на существовавшие в России полки, так как его традиция, жизнь и дисциплина были совершенно отличны. Говоря правду, Текинскому полку больше подходит название «аламан». В этот-то аламан я впервые попал в Рашкове 15 октября 1916 года на Австрийском фронте, куда он отошел на отдых. Разница между прежним аламаном и теперешним заключалась в том, что теперь текинец переменил свою деревянную пику на стальную, к неразлучному ятагану прибавилась еще пятизарядная винтовка, пулемет, и он привык к дисциплине.

Раньше текинец шел в бой, как я выше говорил, для поддержания своего существования, теперь же он шел как спортсмен из любви к сильным ощущениям, а главным образом и потому, что его Сердар сказал: «Россия в опасности».

До начала Великой войны Текинского полка не было, а был Туркменский дивизион, развернутый наспех в полк и только на фронте переименованный Государем Императором в Текинский конный полк в знак особого Высочайшего внимания. Дивизион – основное ядро развернувшегося полка, был хорошо дисциплинирован. Эта дисциплина, чисто военная, поддерживалась вековой дисциплиной племени, предписывавшей джигитам подчиняться своему вождю – Сердару, уважать личность старшего и не делать того, что не позволяет совесть. Сюда шли люди не по принуждению, а по собственному желанию. Причиной добровольчества послужило соприкосновение текинца с русскими – кочевника с культурой. Молодого джигита всегда тянула какая-то сила, страсть, я думаю, перешедшая от отцов, к седлу и лошади, приключениям, удали, храбрости. Он не мог свыкнуться с мыслью остаться всю жизнь мирным земледельцем. Его нрав и инстинкт жаждали другого.

В дивизион поступали люди, искавшие подвига и удали, поклонники храбрых, жаждавшие приключений и, наконец, желавшие научиться военному искусству. Это были сыновья ханов, сердаров, знатных туркмен, которые хотели продолжать удалую жизнь отцов. Это желание впиталось в них с молоком матери. Желавших поступить в дивизион было много, но правительство их не хотело принимать, ибо требуемое число людей было пополнено, а вместе с тем еще существовало опасение вооружать сынов Ахала, история покорения которого была еще свежа в памяти. «Дать оружие легко, а отнять будет трудно! Бог с ними! С них достаточно и одного дивизиона. У нас своих достаточно!» – рассуждали правители. Таким образом, за бортом осталось много текинцев, желавших драться в рядах русской армии.

Было бы ошибочно думать, что текинец шел в ряды армии потому, что он любил Россию или Царя, или за веру. Ни о России, ни о Царе туркмену никто ничего не говорил и никогда не старался научить его любить их. Особенно религиозным туркмен тоже никогда не был. Пошли туркмены потому, что Сердар их, честный и храбрый русский офицер, приказал им идти за ним, сказав: «Россия в опасности, нам надо идти и бороться в рядах русской армии за ее честь». И туркмены пошли за своим Сердаром, сыном знаменитого героя-патриота и защитника Гёок-Тепе Дыкма Сердара, штаб-ротмистром Ураз Сердаром. Джигиты сгруппировались, как в старое доброе время, вокруг Сердара по вековой традиции, видя в нем двух Сердаров: первого – сына их героя, такого же текинца, как они сами, простого и доступного, и второго – русского офицера – помощника командира полка, русского Сердара.

Неся в строю беспрекословно всю тяжесть военной службы, они смотрели на Сердара как на существо высшее, которому они, безусловно, верили и подчинялись, но в это же время Сердар был русский. После же занятий они отпраплялись к Сердару уже запросто пить гёокчай, есть плов или просто побеседовать. И в это же время Сердар оставался для них тем же высшим существом, которого они даже и не подумали бы послушаться, – он был и друг, и отец джигитов, и свой туркмен.

Военную дисциплину текинец быстро усвоил и привык к ней, но сухая шагистика и пичканье сухими уставами никогда ему не нравились, так как он их не понимал, не зная русского языка.

– Хаджи Ага, почему нас Эргарт пичкает уставами и этой шагистикой? Воевать мы умеем и без устава. Если джигиту суждено умереть, то его никакой устав не спасет. Для войны нужны храбрость, смелость и умение использовать их. Война высшая школа и наилучший устав для джигита. У нас есть свой устав – устав Сердара, где говорится: «Если джигит краснеет, то пусть умрет. Не храбрый, не сметливый джигит похож на женщину. Пеший туркмен – жалкий туркмен, а на аргамаке он хозяин врага, – ни пуля его не догонит, ни шашка не срубит», – говорили мне как-то в полку джигиты.

Началась Великая война народов. Сердар тогда был в чине штаб-ротмистра, и ему было приказано собрать джигитов в полк и вести их в бой вместе с командиром полковником Дроздовским.

– Командир полка полковник Дроздовский будет твоим Сердаром, а ты Сердаром полка, – сказали ему.

Он собрал быстро текинцев, но собрал их не так, как должен был бы собрать, т. е. с выбором. Это ему не позволило время. Поэтому сюда шли старые и малые, хорошие и плохие, храбрые и трусы, с корыстной целью и как любители подвигов, как во времена Кёр-Оглы (легендарный туркменский герой). Этот новоиспеченный и разнообразный по своему составу и возрасту, не подготовленный к военному делу, т. к. на это не было времени, но спаянный крепко духом вокруг Сердара полк-аламан прибыл на фронт, кажется, в сентябре 1914 года. Несмотря на все эти недостатки, полк одержал ряд блестящих побед, и имя его выплыло на поверхность и заставило говорить о себе. Стали рассказывать о нем легенды, писать в газетах и восхищаться.

К сожалению, как это ни больно, должен сказать, что текинцы могли бы сделать много больше сделанного, и этот полк легко можно было бы развернуть в бригаду и дивизию, если бы в полку был лучший состав опытных хороших русских офицеров. За исключением некоторых, как то: командира полка полковника Сергея Петровича Зыкова (полковник Дроздовский, после первых же боев получив чин генерала, перевелся в тыл и, приобретя землю около Астрабада, близ персидской границы, предался мирной земледельческой жизни. Он был инвалид Русско-японской войны, ординарец генерала Мищенко. Пришла революция, и в первые дни ее генерала убили туркмены), штаб-ротмистра Натензона, командира 2-го эскадрона, образцового и любимого в полку поручика Раевского и ротмистра Бек Угарова, командира 3-го эскадрона, все остальные были неопытны и не подходящи. Русские офицеры, за исключением перечисленных, не интересовались жизнью джигитов и их психологией, не старались изучить туркменский язык, чтобы подойти к туркмену и ближе узнать его, и поэтому-то они были чужды составу полка. И вышеперечисленные офицеры тоже не знали языка, но держали себя с туркменами так, что джигиты их очень любили и уважали. Два самых старых русских офицера полка, подполковник Эргарт и Григорьев, прослужившие в полку довольно долгие годы, не умели также говорить по-туркменски, очень дурно обращались как с офицерами туркменами, так и джигитами полка. Эти два подполковника во многом помогли плохому составу офицеров полка, т. к. они руководили выбором их. Эргарт и Григорьев, выдавая себя за авторитетных лиц полка и любимцев джигитов, первоначально взялись было при вступлении в должность Зыкова влиять на него, как влияли до него на Дроздовского, при выборе офицеров и при производстве текинцев в офицерские чины, но дальновидный и весьма опытный Зыков сразу их понял. Эти два человека страшно противились поступлению в полк опытных кадровых офицеров, несмотря на то, что желающих этого рода было много, но Эргарт и Григорьев предпочитали иметь прапорщиков из студентов, помещиков или же произведенных из вольноопределяющихся. Хотели они иметь таких подчиненных потому, что на них легче было покрикивать, да и вышибить их из полка, при желании, в любую минуту было много легче, чем кадровых

офицеров. Эти прапорщики в свою очередь постепенно начали выписывать из других полков своих братьев, дядей и племянников, устраивая их кого в обоз, кого вольноопределяющимся, производя их в унтер-офицеры, в команду связи. Вся эта семья говорила: «Мы – текинцы!» И у неопытных людей (а кто в России знал что-либо о текинцах?) они сходили за текинцев.

Между прочим, я помню такой случай. Перед отъездом на Московское совещание я потребовал из полка двух офицеров туркмен мне в помощники. Говоривший со мною по телефону полковой адъютант поручик Нейдгарт мне заметил: «Что вы, голубчик, всегда требуете к себе офицеров туркмен и никого из русских? Я вам pošлю русских офицеров!» И против моего желания он прислал ко мне поручика Рененкампфа. По приезде в Москву все текинцы по моему указанию заняли места на перроне вокзала. Поручик Рененкампф в одежде текинца тоже занял свое место. Во время оваций на вокзале при встрече генерала Корнилова сотрудник «Русского Слова» Лембич, подойдя к Рененкампфу, спросил: «Вы, поручик, текинец?» «Я офицер Текинского полка», – ответил Рененкампф. – «Вот что, голубчик, идите и перемените ваше платье, оно вам не идет. Вы портите впечатление, производимое конвоем».

Пришлому элементу в полку жилось хорошо. Что бы они ни захотели, от текинца только и был всегда один ответ: «Буюр Ага – прикажи!»

Постепенно все эти ловкие люди быстро получали производства и ордена: Анны, Владимира, золотое оружие и Георгия за работу текинцев, в то время когда боевые, полные георгиевские кавалеры-джигиты не смели думать о производстве, а офицеры-текинцы, несмотря на двадцать пять лет службы (с образования дивизиона), на их храбрость, опыт и способность, дальше прапорщика не шли.

– Разве в полку мало своих офицеров? Почему нам хода вперед нет, а они выписывают офицеров извне? – говорили обиженные текинцы.

Подполковник Эргарт, как только получил Георгиевское оружие, отстранился совершенно от полка – не только от джигитов, мусульман-офицеров, но и русских. Григорьев, получив чин полковника и Владимира, как и Эргарт, после одного боя, ушел в обоз и там устроился по-семейному. Когда подчиненные им по службе туркмены поднимали вопрос о своем производстве, то оба полковника бросались на них, раздраженно крича:

– Как ты смеешь? (Они всем джигитам и туркменам-офицерам говорили «ты», совершенно не стесняясь, что они разговаривают с такими же офицерами, как они сами.) Когда придет время, мы сами знаем! Не вам нас учить! Вон!

После таких ответов текинцы приходили к своему отцу-Сердару. Сердар, слушая их, глубоко вздыхал, ходя по комнате из угла в угол, погруженный в тяжелую думу. Вооружать джигитов против их же начальников, своих товарищей по оружию, он не мог, но защищать заслуженного, имеющего право в своем требовании текинца он тоже не мог и, успокаивая обиженного, он лишь обещал хлопотать. Все его слова и советы полковникам Григорьеву и Эргарту обратить внимание на своих джигитов пропадали даром, так как эти господа смотрели на Сердара такими же глазами, как на любого из джигитов. Потеряв надежду на них, Сердар сам начал хлопотать и ходатайствовать перед командиром полка об удовлетворении требований обиженных джигитов и офицеров-текинцев. Полковник Зыков очень сочувствовал и помогал, как отец полка, сердечно и искренно, в производстве джигитов, и такие случаи полковники Эргарт и Григорьев принимали за пощечину себе и старались вести интриги против Сердара, беспрерывно сплетничая. Пока полковник Зыков был командиром полка, все знали свои места, и если существовали сплетни, то не шли дальше стен дома полковников Эргарта и Григорьева. Как только вступил в командование полком полковник Кюгельген, сплетни и разговоры в полку пошли с такой силой, что полк раскололся на группы. Между русскими офицерами и туркменами появились признаки острой вражды, но об этом дальше.

– Сколько бы ты ни служил, как бы ни был ты храбр и умен, все равно нашему брату-туркмену нет хода! – говорили, видя такое отношение к себе и к своему Сердару, лучшие

джигиты полка и предпочитали уходить, при случаях, к себе в аул. Эти джигиты, приезжая к себе в Ахал, рассказывали правду о полку. Ясно – желающих с добрыми намерениями поступить в полк становилось все меньше. На место хороших, опытных и храбрых джигитов приходили те, кому жилось в Ахале тяжело за темное прошлое или нечего было делать, а некоторые просто поступали в полк из коммерческих соображений. Они посылали в Ахал оружие, патроны, револьверы, бомбы, а там их родственники излишек продавали в Персию, иомудам, в Афганистан за хорошие деньги. Сердар обо всем этом знал, писал в Ахал представителям туркмен, хлопотал и старался, как мог, сохранить полк и довести его, если можно, благополучно на родину – в Ахал. Новый «материал», посылаемый запасным эскадроном из Асхабада, был совершенно неграмотен в военном деле. Большинство посылавшихся не знали, для чего существует прицельная рамка на винтовке. Лошади тоже были не те, что раньше. Они были худые и дикие. Отправляя необученных людей на фронт, начальник запасного эскадрона штаб-ротмистр Аvezбаев говорил джигитам:

– Поезжайте в полк! Он сейчас стоит на отдыхе. Вас там научат!

Таким образом, к концу 1916 года и к началу 1917-го от славного Текинского конного полка и следа не осталось: состав его был на $\frac{3}{4}$ пополнен из новых и совсем иных элементов.

Начало моей карьеры

По окончании Тверского кавалерийского училища в 1916 году 1 октября, я вышел в Нерчинский казачий полк, который в это время был в боях на Румынском фронте. Приехав в полк, я был очень любезно принят командиром его, войсковым старшиной бароном Петром Николаевичем Врангелем, который сообщил мне, что я переведен в Текинский конный полк. Он пожалел, что я не остаюсь в его полку, т. к. ему было бы очень приятно иметь первого офицера-хивинца под его командой.

Пообедав с командиром полка, проведя приятный вечер в его обществе и переночевав в его квартире, я на другое утро из г. Радауцы отправился в Текинский полк. Кстати, скажу, что мой перевод в Текинский полк произошел следующим образом. Перед самым окончанием Тверского кавалерийского училища сюда случайным проездом из Петрограда, где он лечился от полученной раны во время боя в 1915 году, приехал командир Текинского полка полковник Сергей Петрович Зыков – воспитанник этого училища. Узнав во время разговора с чинами училища о моем нахождении здесь, он пожелал видеть меня. Дежурный офицер ротмистр Стронский, вызвав меня в дежурную комнату, представил Зыкову. Встав с места и взяв меня за плечи, глядя в мои глаза, он начал расспрашивать, откуда, как попал я в училище и куда собираюсь (в какой полк) я выйти? Узнав, что я собираюсь выйти в Нерчинский казачий полк и что все в этом направлении мною закончено, он сказал:

– Ничего! Переведетесь ко мне в полк. Я буду очень рад и постараюсь сделать из вас хорошего офицера. Напишите сейчас же, пока я здесь, рапорт на мое имя о своем согласии, а я положу резолюцию.

Я так и сделал.

«Тебе не все ли равно, сын мой, выйти в казачий или текинский полк, если ты решил пожертвовать свою жизнь за родину? Смотри только, будь честным и хорошим воином, где бы ты ни находился. Я ничего не имею, если ты решил выйти в Текинский кав. полк, т. к. с кочевниками много хорошего связано в моей жизни. Я знаю их и люблю. Там служат сыновья моих лучших друзей сын Дыкма Сердара Ураз Сердар, внук Аман Гельди Геля и др. Передай им, что ты сын старого Бай Хана и я надеюсь, что они поддержат тебя своими добрыми советами и делом, когда это будет нужно, как поддерживали их предки меня», – писал мне отец, когда я просил его совета.

Приехал я в полк в конце октября и после короткой беседы с командиром полка я вынес хорошее впечатление. Зыков пользовался любовью всех джигитов полка. Во время обеда в день моего приезда Зыков меня назначил младшим офицером в 4-й эскадрон, командиром которого был старый подполковник Ураз Сердар. Спустя неделю командир полка получил телеграмму от моего отца с просьбой отпустить меня в Хиву, чтобы я мог получить отцовское благословение перед боем. Так как полк должен был стоять в Рашкове на отдыхе еще два-три месяца, просьба моего отца была уважена, и я уехал в Петро-Александровск.

Путешествие мое было очень тяжелое и чуть не стоило мне жизни. Желая сократить путь, я от Чарджуя до Петро-Александровска спустился в маленькой лодке по Аму-Дарье. Был ноябрь. Начался ледоход, и я чудом спасся от смерти. За все лишения в тяжелой 28-дневной дороге я был вознагражден теплым и сердечным приемом в Петро-Александровске как от русского, так и от мусульманского населения города. После благодарственного молебствия в мечети я с отцом отправился в Хиву для представления Хану Хивинскому Сеиду Асфендиару.

Нечего и говорить, что мое появление во дворце в форме русского офицера произвело на сановников потрясающее впечатление. Хан же, увидев меня, заявил, что я больше в Россию не поеду и должен остаться с ним, чтобы приготовить армию против иомудов.

– Русский Царь подарил нам в 1912 году две пушки, но мы с ними не умеем обращаться, несмотря на то, что мои нукэри (солдаты) усиленно занимались с привезшим их мне капитаном Ибрагим-беком Умидовым, который нас ничему не научил, а ты должен научить нас. Я назначу тебя военным министром при себе, – говорил Хан.

– Я, поев русский хлеб и будучи русским офицером, не имею права в такие тяжелые минуты для родины оставаться в тылу, и это для Хивы большая честь дать своего сына на защиту России, нашей второй родины. Если я буду убит за нее, то это будет еще большая честь для моей маленькой родины Хивы! – ответил я.

Видя бесполезность дальнейших настояний, Хан уступил моим доводам. На другой день я выехал в Петро-Александровск. Побыв дома четыре дня, я пустился в обратный путь – на фронт.

Перед самым моим отъездом отец, который был очень религиозным человеком, пожелал повести меня к одному старцу, который должен был благословить меня в путь. Когда мы пришли к нему, он благословил меня и предсказал, что я не буду убит в боях. После я буду очень близок к одному великому человеку и вместе с ним буду подвергаться большим опасностям, но все-таки останусь жив и через некоторое время, возвратившись в Хиву, я буду играть в ней роль. На вопрос моего отца, увидит ли он меня снова, он не пожелал ответить. Я отнесся к его предсказанию очень недоверчиво и прямо от него отправился в обратный путь. Живя сейчас в Мексике на положении чернорабочего, я бы с удовольствием отказался от всякой большой роли в будущей Хиве, если бы мне тот же старец мог сейчас предсказать, когда я буду зарабатывать такую сумму денег, что смогу покупать два раза в неделю мясо для моей семьи.

Я в роли балетной танцовщицы

Была середина января 1917 года. Возвращаясь из Хивы, я прибыл в г. Коломею – большой железнодорожный узел на Австрийском фронте. Тотчас же я отправился к коменданту города с целью узнать о местонахождении Текинского конного полка. Комендант этот был очень старый полковник, прослуживший, как я узнал потом, в этой должности в Коломее около семи месяцев.

– Какого вы полка, подпоручик? – спросил грозный полковник после предъявления мною всех нужных в этом случае бумаг.

– Текинского конного, господин полковник! – ответил я.

– Такого полка в этом районе у меня не имеется. Откуда и кто направил вас сюда? – опять задал он вопрос.

Я показал предписание, данное мне Киевским комендантом, направиться в распоряжение коменданта в город Коломею. Он вызвал адъютанта, который после долгих поисков ответил, что этот полк находится около Черновиц, и просил ехать туда и узнать в штабе армии. Каково было мое изумление – узнать о таком неприятном для меня сюрпризе! Снова представилась мне давка в вагонах, грязь и беспорядки на железных дорогах. В особенности мне это не улыбалось после и без того долгого месячного и безостановочного путешествия из Хивы до Коломеи. Что же делать? Проклиная все на свете, я вышел из комендантского управления, направляясь на вокзал, чтобы ехать в Черновицы. Нагрузив на себя и на одного носильщика свои вьюки, я отправился на вокзал. Не успел я сделать и ста шагов, как, словно из-под земли, выросла предо мной знакомая фигура туркмена, сидевшая на статном сером жеребце. При виде его телпека, который, казалось, был в два раза больше его самого, я чуть не бросился к нему в объятия, чтобы расцеловать его.

– Эй, яхши джигит, бяри гял! (Эй, добрый молодец, иди сюда!) – крикнул я, бросив вьюки на тротуар улицы.

Гордый джигит, слегка обернув голову в мою сторону и почтительно отдав мне честь, подъехал ко мне.

– Опустит руку и скажи мне, где стоит наш полк? – спросил я его по-туркменски.

– Здесь недалеко, Ага! – был ответ.

– Что ты здесь делаешь и если ты не занят, то покажи мне дорогу в полк! – попросил я его.

– Сен ким сян, Ага? (Ты кто будешь?) – задал он мне вопрос, удивленный тем, что я чисто говорю по-туркменски, и узнав, что я офицер его полка, сразу слез с коня и предложил его мне, а вещи обещал доставить в полк.

Узнав из разговора с ним, что сейчас в Коломее находятся джигиты, приехавшие для приема сена, я приказал прислать ко мне одного из них. Туркмен поскакал.

Не прошло и десяти минут, как туркмен вошел в кафе, где я сидел за чашкой кофе.

– Джигит здесь! Ждет тебя, Ага! – доложил он очень вежливо, подойдя ко мне.

На мой вопрос, как он отыскал меня, он ответил, опустив голову вниз и добродушно улыбаясь.

– Эй, Ага, туркмен туркмена по нюху находит. Разве ты не знаешь нас, если ты родился в Азии?

Через полчаса я с новопроставленным джигитом, сев на коней, отправились в полк из Коломеи в местечко Пичинежин, куда он успел перейти на стоянку после моего отъезда из Рашкова в Хиву. Пичинежин находился от Коломеи в восьми верстах.

День клонился к вечеру. Морозило. Растоптанный по широкому великолепному шоссе снег хрустел под копытами лошадей. Как только мы подъехали к мосту, нас остановил сол-

дат-часовой, требуя пропуска. Но не успел он подойти к нам, как мой жеребец, став не дыбы, хотел укусить солдата за голову.

– Эй, какой дьявол злой! Как сам азиат! – крикнул солдат, бросаясь в сторону от испуга. Мы проехали.

– Как тебя зовут и подъезжай поближе ко мне, – крикнул я сзади ехавшему джигиту.

– Балуюр, Ага! (Слушаю!) – послышался голос его, и тотчас же крупной рысью подъехал он, корчась от холода в одной шинелишке.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Ишан, Ага, – ответил тот.

– Сколько тебе лет и из какого аула? – расспрашивал я, вызывая на разговор.

– Из Арчманя и мне сорок пять лет, – был ответ.

– Ишан батыр, рассказывай мне что-нибудь, чтобы сократить путь. Режь дорогу (по туркменскому обычаю), – сказал я.

– Эй, Ага, какой я батыр? Да, вообще, есть ли теперь батыри, когда есть пулемет-ага (господин пулемет), – ответил Ишан и, подумав немного, добавил: – Хотя, Ага, у нас в полку есть несколько человек, которых можно называть батырями.

– А кто такие они? – поинтересовался я.

– Вот, например, сам пёлкендэк (полковник) Зыкоу бояр, Курбан Кулы, Беляк батыр, Баба Хан, Сердар Ага, Мистул бояр!

– В чем же заключается их бахадурство, Ишан? – спросил я.

– Как в чем, Ага! Они воистину батыри этого времени. Вот в прошлом году Зыкоу бояр нас повел в атаку на немецкую и австрийскую пехоту. Нас было двести человек, а их было несколько тысяч.

– Как это было? Расскажи, Ишан! – заинтересовался я.

– А это произошло так, – начал Ишан. – В прошлом, т. е. 1915 году, 28 мая под Черными Потоками, на Австрийском фронте, шел горячий бой. Нас позвали на помощь, и мы пошли. Командир корпуса засмеялся, увидев нас, и спросил своего начальника штаба, зачем к нему прислали таких оболтусов? Зыкоу бояр, услышав это, взбесился и, обращаясь к нам, сказал:

– Туркмены! Я не хочу, чтобы над моими славными туркменами смеялись! Я беру на себя почин, поведя вас в бой. Пусть эти господа узнают, что вы собой представляете.

С этими словами он выскочил вперед и бросился в атаку под убийственным огнем немецких орудий и пулеметов. Первой же пулей он был ранен и упал. Не желая выйти из строя, Зыкау бояр все же остался с полком, руководя боем до его окончания.

Сердар Ага, врезавшись в гущу неприятеля один, во время рубки сломал свой ятаган. «Рублю, рублю, а эта сволочь все не падает», – кричит он, размахивая сломанным ятаганом над бегущими австрийцами. Я, увидев сломанный ятаган, остановил Сердара. Тогда он, будучи в азарте, с одной нагайкой обезоружил кучу австрийцев во главе с их офицером.

Курбан Ага, в одно утро во время разведки, окруженный разъездом австрийцев, потерял свою лошадь, которая была убита во время перестрелки. Положение наше было весьма тяжелое. Нас было двенадцать человек, а австрийцев было пятьдесят при пулемете. После перестрелки с боем нам пришлось проскочить через рогатку, которую успел поставить нам враг сзади нас на шоссе. Курбан Ага остался около своей лошади, несмотря на наши просьбы как можно скорее выбраться отсюда, так как появилась пехота противника.

– Никуда я не пойду, пока не вытащу свой коржум, – сказал Курбан Ага и начал резать ятаганом ремни коржума, прикреплявшие его к крупу убитой лошади.

В это время его окружило восемь человек австрийцев с винтовками в руках. Кроме меня видели и другие, как он с Беляк батырем, зарубив четверых из них, вынес на своих плечах коржум.

– Почему же он не хотел бросить свой коржум, который в Ахале стоит не больше десяти рублей? – спросил я Ишана.

– И я об этом думал, Ага, но оказывается, дело в том, что в коржуме Курбан Аги хранилось восемьсот рублей казенных денег и он не хотел, чтобы они достались врагам.

– Вы знаете, какой у нас сплетник кяфур (безбожный) Эргарт. Я не хотел, чтобы он сказал, что я присвоил эти деньги себе. Я простой туркмен и лучше умру, чем дам повод сказать о себе дурное. Откуда я их получил, туда и должен сдать, дети мои, – говорил нам Курбан Ага.

– В чем же заключается подвиг Баба Хана? – спросил я.

– Баба Хан, это молодой, удалой, жизнерадостный и лихой джигит. Равного ему нет в мире.

– Кто он такой? – спросил я.

– Он, Ага, сын Серахского Хана. В прошлом году тоже во время разъезда один из его подчиненных джигитов потерял в бою свою папаху.

– Иди за своей папахой! Молодой джигит пусть лучше погибнет, чем вернется в полк без папахи, бросив ее врагу, – приказал ему Баба Хан.

Не успел джигит подъехать к тому месту, где лежала его папаху, как лошадь под ним была убита, и сам он был ранен. Тогда Баба Хан на своем аргамеке как стрела подлетел к тому месту, где лежала папаху, взял ее не слезая с лошади, а потом, подобрав раненого, под убийственным огнем врага, вернулся к нам. По возвращении его мы увидели, что лука его седла и ножны его ятагана были прострелены.

– А что собой представляет подполковник Эргарт? – перебил я Ишана.

– Он, Ага, кажется, немец и туркмен терпеть не может, и мы его не любим. Всех нас он ругает самыми последними словами. Я сначала служил в его эскадроне, а потом просил Сердар Агу, чтобы он ходатайствовал пред командиром полка перевести меня в 3-й эскадрон. Иной раз хочется срубить ему голову, но как только вспомнишь, что он старше меня, прощаешь ему, прося Аллаха, чтобы Он наказал его за меня.

– А кто еще в полку не любит туркмен?

– Эй, Ага, они все нас не любят. Вот сам приедешь и узнаешь очень скоро, как они обращаются с нами, да как они смотрят и держат наших туркмен-бойцов. Сердар Ага хочет скоро уехать к себе в Ахал. «Не могу служить дольше. Мне тяжело!» – говорит он.

Многие хорошие, старые опытные джигиты еще с дивизиона постепенно уходят. Если Сердар Ага уедет, то и мы все, джигиты, тоже не останемся здесь. Все поедем по домам, – сказал Ишан и глубоко вздохнул.

– Почему, Ишан, русские офицеры так плохо относятся к туркменам-офицерам и джигитам, когда мы все сыновья Ак-падишаха? – задал я вопрос.

– Ага, это верно, но почему-то они этого не знают и стараются не производить в офицеры наших заслуженных джигитов, а произведенных стараются как можно скорее выжить из полка и заменить их своими знакомыми или родственниками. Каждый раз приходится слышать, что русские офицеры ругают наших «необразованным чертом» и в собрании офицеров никому из них не дают слово вымолвить.

Все решают сами. А между тем за подвиги туркмен они получают первые знаки отличия, а за их спинами стараются прятать своих родных в качестве вольноопределяющихся, телефонистов, денщиков и т. д. Кто же виноват, Ага, в том, что туркмена ругают «необразованным чертом» в его же собственном доме? – закончил Ишан.

Я молчал. Погруженный в тяжелые думы, я не заметил, как мы подъехали к расположению полка. Я услышал ржание туркменских аргамеков еще издали, увидел их привязанных на длинных веревках и с нетерпением ожидающих корма. Жеребцы были покрыты толстыми войлочными попонами, как у нас в Хиве. Высокие и статные аргамеки своим аккуратным видом произвели на меня приятное впечатление. Невольно я ушел, мысленно, при виде этих лошадей

в мои родные степи, и мне живо представились туркменские аулы, их жизнь и как эти аргмаки там пасутся на свободе. Я вспомнил картины скачек.

– Ишан Ага, бу ким? (Кто это?) – вдруг раздался в темноте голос человека, переходившего шоссе к своей лошади с торбой на плече. Это был джигит полка.

– Эй, это бояр! К нам в полк едет.

– Как тебя зовут, бояр Ага? – спросил меня Ишан, который вспомнил об этом только теперь, когда его спросили.

– Орус му? (Русский?) – спросил опять тот же голос, в котором чувствовалась некоторая неприязнь.

– Нет, туркмен!

И, узнав, что я корнет Хаджиев, тотчас же Ишан обратился ко мне.

– Ага, про тебя мы слышали тогда, когда ты еще сюда не ехал. Про тебя говорил нам Сердар Ага. Ты, Ага, проси командира полка, чтобы он назначил тебя к нам, в 3-й эскадрон.

– А что говорил обо мне Ураз Сердар? – спросил я Ишана.

– Он рассказывал, что ты – первый хивинец, окончивший в России военное образование, и что твоего отца знает Сердар Ага, Гони бек и другие джигиты, отцы которых были друзьями с твоим отцом, ели когда-то хлеб-соль с одного достурхана (достурхан – скатерть) в Хиве.

– Хорошо, увидим! Если командир полка разрешит мне, то я с удовольствием войду в ваш эскадрон, – успокоил я моего спутника.

– Ты, Ага, говорят мулла-бояр (образованный), а потому было бы хорошо, чтобы ты служил в нашем эскадроне.

Я опять сказал Ишану, что как у него, так и у меня есть хозяин – командир полка, от которого и исходит то или иное приказание.

– Ай жёйлэ дир Ага, жёйлэ дир (Так, так господин), – соглашался Ишан и вдруг спросил меня, в какой эскадрон я желаю ехать. Мы уже были в центре расположения полка.

– Веди меня к Сердару Ага, – приказал я.

Чтобы узнать о местонахождении квартиры Сердара, Ишан остановился перед одной хатой. Ржание лошадей и знакомая туркменская речь ясно и отчетливо долетали до моих ушей. Вот хата вправо от дороги, а внутри ее, расположившись кругом, сидят туркмены при свете тускло горевшей лампы. Их лица веселые. Им кажется, что они так беспечно сидят у себя в ауле вокруг очага в кибитке. Один из них играл на домбре (балалайка), а другой пел песни о том, как туркмены жили раньше и умирали. Вот кто-то преподнес сосредоточенно, серьезно слушавшей группе знакомый мне чилим. Ишан вошел. Все сразу повернули свои головы в дверь к входившему Ишану, который сказал: «Ассалаум алейкум, джигитляр (Здравствуйте, джигиты)». – «Валейкум ассалам», – дружно ответили все и тотчас же песня и музыка прекратилась, так как Ишан был одет по-походному и при винтовке. Мне было ясно видно, что делалось в хате, ибо стекла были чисто-начисто вычищены керосином заботливыми руками хозяйки русинки (русины моют окна керосином, чтобы всегда держать их чистыми от льда).

– Нэмэ хабар, Ишан Ага? (Какие новости?) – обратились джигиты к Ишану.

– Ага, хивинец офицер приехал к нам и спрашивает квартиру Сердара, – услышал я через открытую дверь ответ Ишана, после того как он сделал 2–3 глотка зеленого чая. Все сразу встали на ноги и, набросив на себя кто бурку, кто шинель, вышли приветствовать меня.

– Ассалаум алейкум. Ассалаум алейкум! – послышались голоса приближающихся в темноте джигитов и не прошло минуты, как они окружили меня, пожимая мне руки.

– Аманлык му, аманлык му, Ага? (Здоров ли ты?) – говорили они.

– Ну, Ага, милости просим к нам вовнутрь. Палау готов, отведай с нами. Рады будем, – предложил мне кто-то, очевидно хозяин собрания. Поблагодарив их за радушный прием, за милое дружеское приглашение, я попросил их отложить мое посещение до другого раза, так

как, не представившись командиру и Ураз Сердару, не имею права это сделать, и, попросившись, поехал шагом, взяв от них джигита, который мог бы указать мне квартиру Сердара.

– Как наш Ахал поживает, Ага? Надеюсь, что ты через него проехал из Хивы, – спросил меня новый джигит.

– Ахал жив и здоров. Ждет от вас победы. Все девушки ждут вас; из них каждая мечтает выйти замуж за героя, – ответил я.

– Эй, Ага, давно бы мы «их» (немцев) уничтожили, если бы наш враг не был умнее нас. Мы, слава Аллаху, еще ни в одном бою не сплеховали, куда достигал наш ятаган, там не устоял враг. Но беда и горе в том, Ага, что он нами играет, как кошка с мышкой. С 1915 года мы в конной атаке не были. Все не подпускают к себе близко. У нас (у русских) если убьют одного солдата, то на его место подходит десять, а у наших врагов на место убитого солдата ставится пулемет. Таким образом, он вместо солдат весь фронт окутал проволокой, и, наставив отсюда до Берлина один за другим пулеметы и пушки, – сидит под землей, не подпуская нас к себе даже на двадцать верст. Аллах даст, вот сам убедишься, увидев всю технику нашего врага. Но не знаю, Ага, Ак-Падишах принимает ли меры против усовершенствований наших врагов, чтобы мы могли бороться с ним одинаковым оружием, – рассуждал он, идя впереди моей лошади.

Слушая рассуждение джигита, я вспомнил слова отца, говорившего: «Война – высшая школа для государства. Она открывает все силы и недостатки целого государства, отрезвляет подданных, заставляя их правильно мыслить и рассуждать и т. д.».

– Вот, Ага, Сердар живет здесь, – сказал джигит, остановившись перед одной хатой, стоявшей на правой стороне шоссе. Залаяла собака, лежавшая перед хатой. Вышел на лай собаки Назар – денщик ротмистра Арона, который, как помощник командира эскадрона, жил с Ураз Сердаром вместе в одной квартире.

– Кто? – спросил Назар.

– Я, корнет Хаджиев, бери вещи! Я к вам! – сказал я, отдав ему мой ручной чемоданчик и сам направляясь скорее в хату, так как на дворе стоял сильный мороз.

– Разрешите войти, – обратился я к офицерам, сидевшим за столом за бутылкой коньяка, сам оставаясь за порогом хаты. Офицеры взглянули на Арона (так как он был старшим офицером в эскадроне) и на меня.

– Да-с, да-с, зверь¹, рискните! – приказал, не оборачиваясь ко мне, ротмистр Арон.

Комната, в которой сидели офицеры, была маленькая, с двумя окнами, выходившими на шоссе, которое проходило тут же. Никакой особенной мебелировки в этой комнате не было, кроме стола и стульев, на которых сидели присутствующие.

В одном из углов комнаты лежал сверток на сене, оказавшийся, как я узнал потом, постелью Сердара, который за неимением кровати спал на полу.

– По сто прыжков на каждого из нас, – приказал Арон, как только я очутился в комнате.

Не успел я окончить свои прыжки, как мне было приказано Ароном выпить вмиг азиатскую чашку коньяку за опоздание из отпуска, прежде, чем явиться к командиру полка, который, по их словам, был на меня зол, как Зыкач (так его называли офицеры в интимной беседе).

– На стол! – затем было приказано Ароном. – Танцуйте между бутылками так, чтобы ваши звериные копытца не касались стекла с благородным напитком.

– Нет, лучше пусть он изобразит Анну Павлову. Я хочу балет, хочу балет!.. – говорил кто-то тоже из «веселых». Я чувствовал себя неважно от выпитого коньяка и еле стоял на ногах.

– Зверь, что же вы, голубчик, стоите и не исполняете приказание старого ротмистра... а?

Здесь ротмистр, красный, веселый от выпитого вина, пустил одно словечко, свойственное кавалеристу. Я вскочил на стол. Вообразите меня, благосклонный читатель, в роли балетной

¹ Зверем называют по кавалерийской традиции новичка.

танцовщицы Анны Павловой, на крохотном столике, да еще на голодный желудок. Подчиняясь приказанию, я начал исполнять мой номер,

Увы, балет был бы продолжен, если бы со мной не случилось одно происшествие, которого не случается, конечно, с Анной Павловой. В самый разгар моего исполнения вдруг от выпитого коньяка голова закружилась, и весь выпитый драгоценный напиток вышел фонтаном наружу.

– Назар, убери этого зверя, а то он вообразил, что в родных лесах, – крикнул ротмистр, и я тотчас же был выведен в соседнюю комнату хохотавшими у дверей Назаром и вестовым Сердара Баба.

Когда я очнулся, то было около восьми часов вечера, и я тотчас же, несмотря на сильную головную боль, отправился для представления к командиру полка.

– Что же вы, голубчик, просились на два месяца, а пробыли в отпуску два с половиной! А я здесь из-за вас офицеров не пускаю в отпуск, – говорил полковник Зыков, направляясь ко мне, как лев к своей добыче.

– Сережа! Пожалуйста, только не при мне! – обратилась тут же сидевшая жена командира, которая приехала навестить мужа, пользуясь отдыхом полка.

С ней я был знаком еще в бытность мою в училище, в Твери.

– А! А! Голубчик мой, – говорил, подходя ко мне и подавая руку, полковник Зыков.

– Разрешите, господин полковник, доложить вам, – сказал я.

– Докладывайте, докладывайте, я слушаю вас, – ответил он полусердито и полушутливо.

Свое опоздание я мотивировал тем, что плохая дорога заставила меня пробыть в пути больше двух месяцев и что дома я был всего-навсего четыре дня. Зыков согласился с моими доводами и, сменив гнев на милость, приказал адъютанту поручику Сомову, который замещал поручика Нейгарта, уехавшего в отпуск, заменить арест легким выговором мне в приказе по полку, однако и этого не состоялось по просьбе жены Зыкова.

Офицеры

Прошло два дня со времени моего приезда в полк, когда Сердар посоветовал мне явиться к командирам эскадронов. Самыми симпатичными из них, о которых идо сих пор я вспоминаю с удовольствием и которые впоследствии стали мне добрыми друзьями были: ротмистры Бек-Узаров, командир 3-го эскадрона; Натензон, командир 2-го эскадрона и поручик Раевский. Из туркмен – сам Сердар, прапорщики: Курбан Кулы, Кульниязов, Кишин Назиев, Баба Хан, Менгли Ханов, Танг Атар Артынов, Ата Мурадов, Коч Кулы, Шах Кулы и поручик Шакир-Ахметович Парпетов (крымский татарин). Конечно, кроме подполковников: Григорьева, начальника обоза и Эргарта, командира первого эскадрона! Последние два тоже когда-то были хорошими офицерами полка, но затем, благодаря их честолюбию и интригам, офицеры полка стали держаться от них, что называется, подальше. Еще подполковник Григорьев был хорошим собутельником среди русских офицеров полка. Но когда он начинал выставлять свое «я», как старый офицер полка, якобы создавший полк и служивший с самого основания его, то в это время офицеры его просто называли Гри и говорили, что Гри опять «разошелся», и, забирая свои фуражки, спешили удрать. У него хватало бестактности называть офицеров молокососами, несмотря на то, что они служили в этом полку столько же, сколько и он. Эргарт был иного рода человек. В его характере и движениях лежал отпечаток обиженного судьбой человека. Кроме сухого устава и шагистики, он не знал и не интересовался ничем. Был с полезными для него людьми очень любезен, но, достигнув своей цели, резко менял тон, почти «не узнавая» их. Бывший пехотный офицер, он по какому-то недоразумению попал в дивизион. Несмотря на долгую службу с туркменами, он не постарался узнать психологию их, изучить язык и, не понимая их, часто попадал в смешное положение. Джигиты полка Григорьева называли Дэли бояр (сумасшедший офицер), а Эргарта – Капр бяур (поганный офицер).

Смеясь над последним, джигиты говорили друг другу:

– Если ты хочешь продать плохую лошадь, то продай ее Эргарту.

По отъезде джигитов домой, если у купленной лошади открывались какие-нибудь дефекты, то эти джигиты были для Эргарта разбойниками, персами и Аллах ведает кем. Поэтому Эргарт смотрел на них как на мошенников, а джигиты на него – как на человека, знающего их так же, как их лошадей. Если у него в эскадроне служили, то лишь благодаря тому, что там был один офицер, который действительно нравился всему первому эскадрону и пользовался уважением джигитов. Это был подпоручик Танг Атар Артынов.

В общем, туркмены-офицеры, как и всадники полка, органически не переваривали Эргарта. Хотя Эргарт об этом и сам хорошо знал, но продолжал служить в полку так же по недоразумению, как и попал в него.

– Балам, если ты хочешь изучить своего друга со всех сторон и проверить его дружбу, то соверши с ним путешествие. Путешествие наилучший экзамен для этого. В домашней обстановке и еж кажется мягким пухом. В Ахале все они были хороши, а в путешествии каждый из них обнаружил, каковы они в действительности, – говорили старики молодым, когда шел разговор о русских офицерах.

Эргарт с русскими офицерами не имел общения и сидел все свободные от занятий часы дома. Никто, как я уже говорил, из русских офицеров, а текинские и подавно, его не приглашал к себе и наоборот. В офицерских собраниях во время решения каких-либо вопросов, касающихся полка, оба подполковника являлись по приглашению офицеров, как старшие, для выслушивания мнения по тем или иным вопросам. В таких случаях, конечно, говорили оба, как старшие, и решали судьбы собраний; остальные офицеры, из уважения к их сединам и долголетней службе, не возражали, да и не хотели иметь в лице их противников в случае каких-либо пререканий. Туркмены офицеры иногда приглашались в собрания, а иногда нет – реше-

ние принималось и без их присутствия. Если их и звали, то для декорума. Они сидели и молчали. Если же кто-нибудь из них хотел что-либо сказать по существу данного вопроса, то сразу встречал нахмуренные брови и сверкающие глаза «обоих». Поэтому туркмены всячески старались избегать всяких собраний.

Мистул бояр, его лошадь и полярная звезда

Прапорщик Генэ Мистулов пользовался любовью своего эскадрона и уважением всего полка, как лихой джигит. Он состоял младшим офицером 3-го эскадрона. Жизнерадостный и всегда довольный жизнью, спокойный, беззаветно храбрый в боях, преданный друг в мирной обстановке, своими веселыми шутками он нередко вызывал здоровый смех джигитов под огнем врага. Под пулеметным и ружейным огнем вскочив на бруствер окопа, протанцевав лезгинку, он летел камнем в окоп. Результатом этой пляски являлся общий хохот и простреленная в двух-трех местах шинель. Подавленная напряженность джигитов проходила этим здоровым смехом, и они держались бодро в окопах, как и на спине лошади. Благодаря интригам Эргарта и Григорьева многие из лихих офицеров полка оставались в тени во время производства и раздачи наград. Одним из таких неудачников был и прапорщик Мистулов.

– Разак-бек, дорогой, – часто говорил он мне, – скажи пожалуйста при случае Зыкову и Сердару, с которыми ты в хороших отношениях, чтобы меня произвели в следующий чин. Ведь подумай сам – я служу в полку около двух лет, участвовал во всех боях и многие младшие-офицеры стали старше меня, а я все продолжаю гулять с полярной звездой.

– Ай, Мистул бояр, Мистул бояр! – говорили туркмены.

– Чья эта лошадь? – спрашивал туркмен туркмена, при встрече. Тот сразу отвечал, что Мистул бояра и уже после этого называл настоящего хозяина, если лошадь не принадлежала сидевшему на ней. Такой ответ вызывал обычно взрыв веселого незлого смеха у всех. Причиной этого со стороны джигитов было то, что Мистул бояр, служа в полку, не имел лошади, на жалованье, получаемое из полка, приобрести ее не мог, а деньги, получаемые от брата генерала Мистулова шли на товарищеские попойки. Среди джигитов была еще другая поговорка о нем. Если кто-нибудь из увольняемых джигитов, уезжая домой, хотел продать свою лошадь, то первым долгом задавал покупателю вопрос: «Как ты хочешь купить мою лошадь – как Мистул бояр или как настоящий покупатель?» Серьезный покупатель сразу садился на нее и, проехав версту, платил деньги и уводил ее за собой, а если говорил, что он хочет купить, как Мистул бояр, то хозяин предлагал ему лошадь даром и просил, чтобы он его оставил в покое.

Не любил Мистул бояр встречаться с командиром полка, но если происходили такие «счастливые» случайности, то после милых разговоров с ним он бросался на поиски себе лошади. Находился джигит, который искал покупателя для своей лошади и Мистул бояр брал ее на пробу. Продержав ее у себя день-два, он возвращал ее хозяину, говоря, что она ему не нравится. В это время, когда он гарцевал на испытываемой лошади, командир его эскадрона ротмистр Бек-Узаров и другие офицеры полка, заметив это, говорили друг другу, что наконец-то прапорщик Мистулов себе покупает лошадь, и разочаровывались, узнав, что покупка не состоялась, так как на задней левой ноге лошади не хватает одного гвоздя. Возвращая лошадь хозяину ее, Мистул щедро платил за пробу. Джигит, получая деньги, говорил:

– Ай, Мистул бояр, Мистул бояр, если бы кто-нибудь другой со мной так поступал, я бы за это убил его, но это делаешь ты, а тебя мы любим, и за это ты режешь нам голову!

После этого туркмены между собой говорили:

– Лошадь продавай Эргарту, а Мистул бояру отдавай напрокат, так как оба хорошо платят.

Наконец командиру полка надоел метод покупки лошадей Мистул бояра, и он ему в категорической форме приказал приобрести лошадь. По этому поводу домой пошла телеграмма перед выступлением полка в поход: «Полк готовится к лихим делам, вышли 600». Конечно, полученные деньги шли на обычные товарищеские пирушки.

– Что я, дурак покупать лошадь! Когда мне полагается казенная лошадь!! Ты сам пойми, Разак-бек, мне ли, несчастному, недолговечному в этом полку прапорщику, сидеть с одной

полярной звездой на туркменском аргамаче. Это совсем не к лицу мне. Когда появится у меня другая звезда и я буду уверен, что интриги этих двух полковников будут уничтожены, тогда и лошадь куплю, – говорил он.

– Да у тебя, как и у нас, Мистул бояр, никогда не будет другой звездочки, так как тебя не любит Эргарт и Григорьев, – смеялись туркмены-офицеры при интимной беседе.

– Тогда у меня и лошади не будет, – отвечал Мистул бояр.

– Вы еще не знаете, как хитры бывают осетины, – говорил он и в доказательство рассказал анекдот, который до сих пор остался у меня в памяти.

– Однажды осетин вез овес. По дороге его встретил товарищ и спросил, что он везет.

– Овёшь! – шепотом произнес тот.

– Что? Овес? – громко переспросил его приятель.

– Ради Бога! Умоляю! Не произноси это слово громко – моя лошадь голодная и может попросить.

Все хохотали.

Этим кончилась попытка Мистула бояра купить лошадь, а со стороны командира полка – все его усилия. И как только потом начинался разговор о лошадях, Мистул бояр умолял говорившего прекратить его, так как голодная лошадь может услышать, – т. е. Зыков.

Трехчасовые чай

Была оттепель. Снег таял и, превращаясь в мутную воду, протекал по канавам, шедшим по обеим сторонам шоссе. Птички чирикали неумолчно, чувствуя близость весны. У каждого на душе была радость при виде зеленой травки, пробивавшейся на полях, освободившихся от снега.

Третьего марта 1917 года утром вбежал ко мне в комнату вестовой полковника Ураз Сердара, Баба, с приказанием немедленно явиться к нему. Баба был бледен и чем-то взволнован. На мой вопрос, что могло случиться с Сердаром, так как в пять часов утра я вернулся от него, чтобы выспаться до семи, – Баба ответил незнанием. Считаю нужным сказать, что Сердар имел обыкновение рано ложиться и очень рано вставать. Вставал он аккуратно в три часа утра и больше он не спал, проводя время в чаепитии и в беседе с Курбан Кулы и со мной. Как только он открывал глаза, первая его фраза была вызвать Курбан Агу или же меня.

– Садись, Хаджи Ага! Давай поговорим! – с этими словами Сердар всегда меня встречал. – Я знаю, Хаджи Ага, что тебе все равно надо вставать в три часа для своего намаза, а потому я зову тебя сюда, чтобы поболтать. Совершить намаз можешь при мне, ничуть не стесняясь. Сам я, несмотря на то, что мусульманин и имею пятьдесят лет от роду, не совершил ни одного раза намаз в своей жизни. Молясь, ты и Курбан Ага просите Аллаха и за меня, чтобы Он разрешил мне, старому грешнику, все-таки попасть в рай, – говорил потом за чаем Сердар.

– Все в тебе я люблю, Сердар, но когда думаю, что ты ни разу в жизни не совершил ни одного намаза, то едва ли наши просьбы о тебе Аллах услышит, – отвечал в свою очередь религиозный до глубины души Курбан Ага.

Сердар только хохотал на недовольство Курбана. Если мы заставляли Сердара еще в постели, то мы совершали намаз с Курбан Ага до того времени, пока Сердар умывался и садился за стол. Окончив намаз, я и Курбан Ага присоединялись к Сердару пить гёок-чай, и начинались воспоминания о былых днях Ахала, Хивы и о наших отцах.

Между прочим, однажды Сердар рассказал нам, как его отец, Дыкма Сердар, после завоевания Ахала был представлен генералом Скобелевым Императору Александру II.

Государь, ласково приняв старика, спросил, какой подарок привез Дыкма Ему из Ахала? Быстро сняв свою папаху, старый Дыкма предложил Государю свою седую голову. Присутствовавшая в это время Государыня, которой очень понравился удачный ответ старика, задала вопрос, в свою очередь спрашивая, что он привез для нее. В ответ на это Дыкма толкнул к ее ногам Ураза, которому в то время было пять лет. Взяв Ураза, Государыня определила его в Пажеский корпус. Получив военное образование под Высочайшим покровительством, он вышел в один из драгунских полков.

Жизнь в России не пришлась ему по душе – его тянуло в родные степи. Он вернулся в Ахал и поступил в Туркменский дивизион.

Все эти воспоминания о своей жизни он рассказывал мне за чашкой зеленого чая, который он пил в изобилии и запасы которого держал всегда в большом количестве. Выпивал же он всегда один от трех до четырех чайников гёок-чая.

– Курбан Ага, расскажи нам, как ты со своими джигитами при обороне Гёок-Тепе вырезал русский полк и захватил знамя, – просил Сердар.

– Эй, что там рассказывать! Это было давно, – говорил Курбан Ага нехотя, глядя свою выкрашенную, как смоль, бороду. После долгих упрасиваний он согласился и рассказал нам, как однажды ночью, раздевшись догола с джигитами, вооруженными только ятаганами, они напали на русских и вырезали их до одного.

– Почему же вы шли голыми? – удивленно спросил я.

– А, балам, раньше наши мамыши в Ахале не знали ткать хаки. Если же мы пошли бы в своих белых бязевых рубашках, то нас сразу бы заметили. Тело же у нас черное, ночь была темная и в двух шагах нас никто не заметил. Да все это не так интересно. Вот лучше расскажу вам о смерти друга ваших отцов Аман Гельди Геля, – сказал Курбан Ага. – Когда русские взорвали стены Гёок-Тепе и ворвались в брешь, образовавшуюся от взрыва, Аман Гельди, войдя на крепостной вал, стал совершать намаз. Близкие начали упрашивать его сойти с вала и бежать, на что он им ответил: «Я не хочу жить в Ахале, который теперь принадлежит гяурам», – и продолжал молиться. Он был убит первым – ворвавшиеся солдаты подняли его на штыки.

Много еще рассказывал Курбан Ага. Рассказы эти меня так волновали, что я забывал о сне и о количестве выпитых чайников зеленого чая.

Свободушка

Я быстро оделся и поспешил к Сердару. По дороге опять задал вопрос насупившемуся Баба, в чем дело и здоров ли Сердар.

– Эй, Ага, Сердар-то здоров! Только он получил от командира полка приказание к 9 ч. утра собрать своих офицеров и прибыть к нему. Сердар Ага говорит, что Ак-Падишах отрекся от престола и что в Петербурге бунт.

Меня эта весть чуть не свалила с ног. Сразу представилась мне Россия в виде моей Хивы в дни бегства Хана из нее, перед приходом русских. Погромы, насилие, бегство трусливых и двуличных сановников, оставивших Хана одного, и торжество персов во главе с их представителем² Мат Муратом.

Сердар сидел без тюбетейки, что бывало с ним в минуты сильного волнения, и был хмур.

– Еще раз доброе утро, Хаджи Ага! Садись, садись. Я хочу посоветоваться с тобой и Курбан Ага (он пришел раньше меня к Сердару) относительно того, как подготовить и сообщить туркменам о комедии, разыгранной нашими верхами. Падишах отрекся от престола, ты это знаешь? Итак, весьма слабый по своему составу полк, жаждущий и тоскующий по родным степям, может потребовать от меня, чтобы я вывел его домой. Ты знаешь и понимаешь, что значит это отречение Падишаха-Сердара для кочевника. Каждый из них будет думать – раз сам Сердар ушел, то нам и подавно нужно разъехаться по домам, так как воевать без Сердара равносильно стаду быть без пастуха. Возмутительно, возмутительно, – повторил он и, встав, начал ходить из угла в угол комнаты.

– Мне тоже не нравились злоупотребления, которые делали русские чиновники в моем родном Ахале при нынешнем строе, но все же я нахожу преступлением делать переворот, когда враг стучится в дверь страны. Мерзавцы продали страну! Подождите – покажет вам немец такую свободу, что долго под его сапогом будете работать и чтобы научиться, как жить и быть свободными людьми, а не только мечтать о свободе.

Я напомнил ему о Мат Мурате и о его действиях по отношению к хивинцам ради освобождения своих персов из рук хивинцев. Он согласился со мной и сравнивал роль Мат Мурата с ролью немцев в России.

– Я опозорен пред туркменами в Ахале. Когда я им сказал, что Россия в опасности и честь ее надо отстаивать, – они как один человек пошли за мной. Господи, как я верил в благополучный для России исход войны! Все наши победы, все потери и столько пролитой крови пропало даром! Как же теперь нам выйти с честью из этой грязной каши и в добром здоровье доставить оставшихся в живых джигитов к их родным в Ахал?! Я не верю этой их свободе. Они продадут ее так же, как продали сейчас Россию. Украденная свобода впрямь не пойдет, – говорил в отчаянии старый Сердар.

Курбан Кулы сосредоточенно молчал. Он был бледен и то и дело нервно глядел в окно. Сердар глубоко вздохнул, остановился посередине комнаты, еще что-то хотел сказать, но в это время начали входить офицеры, русские и туркмены.

Позже всех явился поручик Рененкампф и передал приказание полковника Зыкова явиться к нему.

– Нэмэ хэбар, Хаджи Ага? – спрашивали офицеры-туркмены знаком подбородка и бровей. Я молчал.

Когда все офицеры четвертого эскадрона были налицо, Сердар надел свою папаху. Курбан Кулы подал ему шинель, и все вышли.

² Книга «В стране Бахадуров».

Русские офицеры и Сердар отправились вперед, а я в группе офицеров-туркмен шел сзади.

Офицеры-туркмены были ошеломлены, услышав об отречении Падишаха-Сердара.

– Посмотрим, что они сделают дальше и кого посадят во главе управления и армии! – бурчали между собою растерянные туркмены.

– Нет, балам, Россия теперь погибла! – заговорил вдруг, глубоко вздохнув, Курбан Ага, до этого шедший молчаливо.

– Почему? Разве возможно, чтобы погиб стопятидесяти-миллионный народ? – удивился Баба Хан.

– Если хочешь знать, то да! – ответил Курбан Кулы.

– Почему? – опять задали вопросы.

– Очень просто! – ответил он. – Россия была могущественная и великая тогда, когда во главе ее был один человек, которого мы называем Ак-Падишахом. Во время его управления хотя и было трудно народу, но как-то все проходило. Чиновники были нечестны, получая от Царя жалованье и недобросовестно исполняя свои обязанности. Все это было плохо, но будучи привязано к ногам одного человека, держалось крепко. Теперь этот человек ушел, и завтра же откроются все слабые стороны новых правителей, убравших Царя и захотевших самим быть на Его месте. Скоро эти господа, не подготовленные к деятельности правителей и севшие не в свои сани, будут бегать от народа, который потребует от них то, что они обещали и что, по «их» словам, не давал ему Царь. Начнется борьба за власть, один глупец будет вырывать власть у такого же, как он сам. Ради достижения своей цели, прольют море крови. Россия будет носиться по морю крови, как корабль со сломанным рулем. Все устроившие революцию и сочувствующее ей, будучи пришиблены ее волной и желая подделаться под общий тон, будут кричать: «Мы сделали революцию для народа», а народ этот – темный и неподготовленный. Он же и пойдет против «них» же самих. Они будут кричать и шуметь: «Пусть сейчас хуже, а потом будет лучше». Но никто уже им не будет верить. И как «они» могут говорить, что сделали эту революцию для народа, когда «они» и запросов его не знают. Прежде чем дать свободу, надо было бы узнать, готов ли и хочет ли ее народ? Вот, например, я сам – представитель народа, мне 60 лет, а я не радуюсь сегодня, а проклиная моей сединой тех, которые разрушили в этот день свою и мою родину, Ахал. Я это чувствую и уверен, что это будет так. С этого дня Россия будет принадлежать тем, кто ее захватит, и только Аллах знает, кто будет ее правителем. Я очень боюсь, что иностранцы, использовав эту свободу, разрушив уже потрясенную Россию до конца, через самих же русских, доведут ее до состояния Персии, чтобы в будущем диктовать ей свои условия. Помнишь, Хаджи Ага, ты читал в одном номере петербургской газеты в 1915 году, было напечатано аршинными буквами, что наконец-то мечта русского народа сбылась. Дарданеллы форсированы мощным флотом союзников, и Константинополь переходит со священной церковью Айя-София в руки русского народа и вместо полумесяца будет над ней сиять крест. Вместо Айя-Софии с этого дня «они» поставили крест на России! Ведь эта насмешка была устроена врагами России, находившимися внутри ее, чтобы народ открыл глаза и, потеряв веру в правительство, легко пошел навстречу разрушению, с одной стороны, с другой – подорвать авторитет русского человека в глазах многомиллионного мусульманского мира, который должен был тоже думать о том, за что же он в конце концов борется, если Россия хочет сменить полумесяц крестом?! Были люди в России, доведшие ее до такого могущества, пред которым преклонялся весь мир. Теперешние господа продали ее, как блудный сын, размотавший наследство отца и не подумавший, какими усилиями и какой ценой собрал его отец. Нет, с этой минуты не собрать России! Поэтому я говорю и чувствую, что с этого дня Россия погибла, т. е. ее продали. Хозяева ее теперь не русские, а все те, кто за нее заплатил!

– Кто же за нее заплатил, по-твоему, Курбан Ага? – спросил я невольно, сам не свой.

– Хотя бы те же немцы и англичане!

– Как же так англичане? Ведь они наши друзья, а немцы наши враги, – удивленно заметил Шах Кулы.

– Прежде чем быть другом англичанина, не мешает взять несколько уроков у немца, как с ним надо дружить! – закончил старый Курбан.

Зыкач сердится

Я был растерян и совершенно озадачен словами старого Курбана и долго бы пребывал в таком состоянии, если бы сильный стук и удары по чему-то, несшиеся из комнаты командира полка, не привлекли мое внимание. Это ударял по столу кулаком Зыкач бояр – как называли его туркмены.

Потрясенный внезапным отречением Государя и ударяя кулаком по столу, возмущенный и красный, как рак, он кричал:

– Это безобразие, гадость, черт знает что! Какая-то группа мерзавцев во главе с дрянным адвокатишкой из жидов вздумали царствовать! Вы мне скажите, пожалуйста, – как вам нравится этот жидовский царь? – обратился он к нам, забыв предложить нам сесть.

Передохнув немного и узнав, что все офицеры в сборе, он, обратившись к своему адъютанту, приказал:

– Поручик Нейдгарт, прочтите вслух господам офицерам телеграмму этого... – здесь он пустил одно характерное словечко, которое без разрешения автора воздержусь написать.

Поручик Нейдгарт медленно начал читать сперва акт отречения Государя, Великого Князя Михаила Александровича и, наконец, указ Временного правительства. Когда при чтении он произносил имена Керенского, Гучкова и других, то Зыков сжимая кулаки, сверкая глазами, подпрыгивал на стуле. Во время чтения я наблюдал за лицами всех присутствующих. Сердар и туркмены были мрачны и переживали тяжелые минуты, опустив головы, – все молчали. Лицо Кюгельгена³ выражало полнейшее спокойствие, и за все время чтения ни разу это выражение не изменилось. Мне показалось, что он давно был к этому подготовлен. У Эргарта на лице кроме спокойствия еще было выражение, говорившее: «Ну что же особенного. Раз все это случилось, ничего не поделаешь. Скоро разъедемся по домам!» Григорьев был зол, но мне показалось, не потому, что России грозит опасность, а потому, что он не сможет кричать на офицеров и джигитов, что они молокососы, что он создал полк и т. д., так как ему теперь будут на это возражать, ибо он никогда ничего не создавал, да и не был способен создать что-либо. Курбан Кулы был желт. Я его знал таким только в минуты сильных волнений. Зыков, старый воин и как истинный русский человек, любящий беспредельно свою родину, был безгранично потрясен до глубины души. Не стесняясь присутствием офицеров, он плакал и сквозь слезы говорил:

– Вот вам, господа офицеры, дослужились! Слышали, что вам сейчас читал поручик Нейдгарт? Государя-то сместили в такое тяжелое для Родины время, не говоря ни слова ни армии на фронте, ни русскому народу. Вы согласились бы туркмены, чтобы Царя в такие роковые для России минуты сместили, а? Ведь какая-то сволочь с Гучковым и Керенским во главе дерзнули на Императорский трон – а? Как вам это нравится, господа? Я первый присягать этой сволочи не буду, я не верю «им», а вы, господа офицеры, как хотите. Сегодня им вздумается посадить на трон адвоката Керенского, а завтра Гучкова, не спрося согласия тех, которые здесь, в холоде, в голоде, защищают дорогую нам Русь, а в тылу, в царских дворцах, восседают люди, и тень которых не дерзнула бы явиться на порог дворца, когда в нем жил Государь Император! – закончил Зыков, то краснея, то бледнея от злости и от внутренних переживаний.

– Вот, Хаджи Ага, сын мой, не правда ли то, что я говорил, когда мы шли сюда? – обратился Курбан Ага ко мне, когда мы вышли от Зыкова. – Ты слышал, что первый Зыкоу бояр не признает Временного правительства, а таких Зыкоу бояров 150 миллионов в России. Знают, каждый будет говорить о себе и каждый будет не согласен и будет стараться добиваться власти. Так и пойдет кутерьма по всей России! Вот эту-то кутерьму иностранцы и используют

³ Полковник Кюгельген, помощник полковника Зыкова.

в свою пользу и заварят в России такую кашу, что расхлебать ее смогут только они, сделавшись хозяевами ее, – говорил он.

– Да, Курбан Ага, это совершенно правильно, что русские ошиблись с этим и потому сгорят, как бабочка в огне. Сейчас нужен России Сердар, пока армия на фронте, – Сердар с железной рукой, тогда что-нибудь выйдет, – вставил Шах Кулы.

– И Царь тоже растерялся! Разве власть ему легко досталась, чтобы ее так легко сдать, как он ее сдал теперь!! Но, конечно, все это от Аллаха. Когда Он посылает кому-нибудь несчастье, разум человека исчезает, – говорил Баба Хан.

– Кого ты называешь иностранцами, Курбан Ага? – спросил я, очнувшись от тяжелой думы.

– А всех тех, которые не любят свою родину, балам, – ответил Курбан Ага.

– Знаете, господа, Зыкач сердит сегодня! Не хотел бы я сейчас попасть к нему под руку, – вмешался Силаб Сердаров, подходя к нам, и передал мне, что меня зовет Сердар.

За палау (За пловом)

В один ясный солнечный день я сидел в кругу джигитов у себя на квартире. Я жил с Курбан Ага в одной комнате. Как я уже говорил раньше, в полку была традиция среди туркмен, что вне строя джигиты запросто могли приходиться к своим офицерам мусульманам, есть у них палау (плов), беседовать и дружески проводить время. Эту традицию поддерживал и командир полка, часто приходивший запросто ко мне пить чай и беседовать с джигитами. Курбан Ага, только что окончив свой намаз, восседал в ожидании вкусного плова, мастерски приготовленного рукой Беляк батыря. Молодой туркмен, внук Аман Гельди Геля, убитого во время молитвы на крепостном валу Гёок-Тепе в день его взятия русскими войсками, обратился ко мне:

– Спасибо тебе, Хаджи Ага, что всегда делишься с нами тем, что сам знаешь. Все твои сообщения для нас, неграмотных, очень дороги. Мы не можем себе дать отчета, что творится сейчас вокруг нас. Джигитов, Ага, волнует сейчас вопрос, вернется ли Царь опять, будет ли продолжать войну, а если нет, то скоро ли они смогут вернуться в Ахал? Скажи, Хаджи Ага, если Царь не вернется, то кому мы должны служить и кто будет старшим над Россией и армией? Сердар Ага все молчит и думает. Быть может, ты что-нибудь слышал от Сердара, что он собирается делать? Вчера я был у него, и на мой вопрос, что будет дальше, он ответил, что сам он не знает, что и как быть дальше, так как он еще не разобрался в политической обстановке. Во всяком случае, он посоветовал ждать и терпеть.

Кстати сказать, что Сердар, вообще молчаливый по природе, после объявления свободы стал еще больше молчаливым и невеселым. Во время чаев он немного говорил, а только слушал и смеялся не от души.

– Ты, Гени-бек, говоришь, что Сердар сказал: надо терпеть?

– Да, – ответил Гени-бек.

– Ну если Сердар один раз сказал слово «терпеть», то я повторю это слово три раза, так как терпение – ключ к блаженству. Это сказано в Коране. Мы, мусульмане, должны быть терпеливыми.

– Верно, верно, Хаджи Ага, – поддержал меня полковой мулла, всегда молившийся со мной и Курбан Кулы.

– Слушай, Гени-бек, текинцы еще не вложили свои ятаганы в ножны. Наш враг еще не ушел. Он стоит еще на фронте и хочет уйти последним. Как ты думаешь, текинцу, славному воину, подобает сейчас бежать в Ахал с поля брани? Ты внук честного героя, патриота Ахала и защитника его славы и чести, Аман Гельди Геля. Он умер, произнося имя Великого Аллаха, но не говоря слова «кач» (бежать). Ему было легче умереть, чем видеть позорную церемонию сдачи Гёок-Тепе, который он защищал так свято. Он своей кровью нам оставил завет, как надо умереть туркмену, его потомству, из-за любви к своей родине. Если он умер за свой родной Ахал, то мы тоже должны умереть за родину, родину старшую – Россию, так как Ахал теперь составляет ее часть. Вы пришли на зов Сердара не по принуждению, а по доброй воле грудью отстоять ее честь и дали в этом слово. Нарушителю слова пошлют свое проклятие из глубины своей могилы – Аман Гельди Гель, Дыкма Сердар. После этих героев проклянет их Россия и потомство! Вот что я скажу тебе. Это можешь передать всем тем, кто желает знать мое мнение.

Все молча и сосредоточенно выслушали до конца. Никто ни одного слова не произнес. Только хруст от ломания пальцев и глубокие вздохи Курбан Ага нарушали тишину.

– Макул, макул! Правильно, правильно! Сильные, разумные слова! – говорил мулла, ломая пальцы. Темно-бронзовые лица присутствующих глядели сосредоточенно.

– Мне кажется, больше того, что сказал Хаджи Ага, никто нам так ясно и искренно не сказал до сих пор и не скажет. Мы, туркмены, должны, как сказал Хаджи Ага, уйти с фронта после немца и даже после самого уруса, – поддержал меня молодой Баба Хан Менгли Ханов.

– Палау готов, прикажите подать? – произнес Бёлак батыр. Все поднялись и вышли в соседнюю комнату, чтобы мыть руки, а Курбан Ага, погладив мне лоб, сказал:

– Живи долго, сын мой! Сильно и хорошо ты ответил! Этот ответ мне запомнится.

Палау был подан, и не успели мы его начать, как в дверь послышался стук и голос Сердара, спрашивающего разрешения войти.

Мы все поднялись ему навстречу.

– Вечно, Хаджи Ага, у тебя сборище джигитов. Чем ты их приворожил, что все они тянутся к тебе? И ты здесь, Гени-бек? Ты ведь, кажется, сегодня дежуришь, балам, по эскадрону? – говорил Сердар, садясь с моего разрешения на кровать, так как мы все сидели на полу на чудных текинских коврах.

– Нет, Сердар Ага, я сегодня не дежурю. Моя очередь завтра, – ответил Гени-бек, обращаясь к Сердару, который, сняв папаху, приготовился к встрече гёок-чая, поданного по моему приказанию, так как он отказался от палауа.

Мы дружно принялись за палау.

– Однако аппетит у тебя, Хаджи Ага! Ведь ты сейчас с нами обедал (я столовался с Сердаром вместе и никогда не отказывался от палауа в обществе Курбан Кулы и Беляк батыра) и вот опять ешь палау! – шутливо заметил Сердар, поднося к губам чашку зеленого чая.

– У меня, Сердар Ага, такой же аппетит к палау, как у тебя к гёок-чаю. – Меня поддерживали смехом.

– Да! Ты прав, Хаджи Ага! Что касается зеленого чая, то я хоть с утра до ночи готов его пить. Мы же ведь туркмены! – соглашался Сердар.

– У нас, Сердар Ага, у хивинцев, есть одна поговорка, которая говорит, что от безделья и желудочная боль кажется музыкой. Так и ты с утра до вечера пьешь гёок-чай ради времяпрепровождения, – сказал я. Последовал опять взрыв смеха.

– Я тебе, я тебе с твоей хивинской поговоркой! – бил Сердар меня слегка стеком по спине.

– Сердар, он, по твоим рассказам, как его отец, – веселый собеседник. Поэтому мы всегда с ним, – говорил мулла.

– Да, да, я знаю! – соглашался Сердар, глотая гёок-чай.

Палау кончился. Наевшиеся гости еще не поднимались с мест. Курбан Ага гладил сильной рукой свою выкрашенную бороду, произнося «Хвала, Тому, Кто создал рис!». В это время в комнату торопливо вошел мой преданный денщик Фока Штогрин и, увидев Сердара, смутился.

– Здорово, молодец! – поздоровался с ним Сердар.

– Здравия желаю, Ваше Высокоблагородие, – отчеканил тот.

– Что скажешь, молодец, если не секрет и если твой барин не послал тебя с запиской к той дамочке, которая живет у речки... Я ведь все знаю, брат! Знаю также, что твой барин ухаживает за ней ночью, когда все спят, – сказал Сердар, шутя грозя стеком, глядя то на меня, то на денщика.

– Сердар, разве ты сам не был таким, как Хаджи Ага, двадцать лет тому назад? Не ты ли делал стоверстные переходы, чтобы принять чашку чая из ее руки?! – подмигнув присутствующим правым глазом, вставил Курбан Кулы.

– Да, ездил! А кто же ее мне показал, как не ты сам? Ты тоже, Курбан Ага, не святой, хотя каждый день аккуратно пять раз совершаешь намаз и сейчас бы ты не прочь... но суровой жизнью утомленный, не можешь быть полезным. Напрасно, Курбан Ага, чтобы показаться русинкам молодым, красишь свою бороду, – хохотал Сердар, заражая всех веселым здоровым смехом. Сердар считал Курбан Кулы своим и всегда любил его общество.

– Разрешите доложить их благородию! – наконец обратился молчаливо и терпеливо ожидавший конца разговора Фока. Извинившись, я вышел в соседнюю комнату.

– Ваше благородие, сейчас получен приказ из Петрограда, что солдаты не должны признавать вне строя своих начальников и называть их по чинам. Мне это сейчас сообщил старший урядник обоза, а тому по секрету сообщил его друг, старший писарь. Приказ этот еще командиру полка неизвестен. Ради Бога, Ваше благородие, не говорите еще Сердар Ага, а то он будет думать, что я у вас как бы шпион, и солдаты обоза тоже будут относиться дурно ко мне, – говорил Фока.

– Почему же ты тогда меня называешь Ваше благородие?

– Никак нет! Вы для меня были и остаетесь Ваше благородие, – ответил Фока.

– А как же приказ? – спросил я.

– А, Ваше благородие, дураки сидят в тылу, и они выдумали, которым нечего делать, – воскликнул Фока.

Не прошло и пяти минут после разговора с Фокой, как вошел от командира полка его вестовой с приказанием Сердару немедленно явиться к нему.

– Ах, Зыкач, Зыкач, опять что-то случилось! – говорил Сердар, вставая, чтобы пойти к командиру полка.

Присяга

– Ну будь здоров, дорогой сын! Желаю тебе счастья и здоровья на поле брани. Если Аллах даст живым и здоровым добраться мне до Ахала, то постараюсь известить твоего отца, что тебя любят туркмены и ты отличный сын, – говорил Арчин Ага – глава делегации, родом из аула Гёок-Тепе, который привез в полк запасных джигитов и пожелал узнать о жите-бытье джигитов в полку.

– Как вы устроились с винтовками, куда и хорошо ли их спрятали? В вагоне попадетесь, будет скандал, – говорил помощник Арчин Ага (их было девять человек представителей из разных аулов) уезжавшим вместе с ним в Ахал уволенным джигитам.

– Не беспокойтесь, Арчин Ага, если сам отец обыщет нас и то не найдет! – говорили джигиты.

– Интересно все-таки, как прячут они оружие, предназначенное в Ахал? – поинтересовался я, подходя к Баба Хану.

– У каждого из этих дьяволов есть своя манера и секрет везти оружие, – сказал мне Баба Хан и тут же обратился к одному из джигитов: – Эй, Чары, иди сюда, где твоя винтовка, которую ты везешь домой? – спросил Баба Хан.

– Ищи сам, Баба Хан! Если найдешь, твоя будет, – сказал, смеясь, джигит.

Баба Хан и я тщательно обыскали его и, к нашему удивлению, не могли найти.

– Где же твоя винтовка? Покажи сам! – удивленно спросил я джигита.

– Вот она, Ага! – показал он на балалайку, в грифе которой был спрятан ствол.

Азиатская балалайка имеет большой круглый корпус – в него-то джигит и спрятал затворы от трех винтовок. «Ложа нам не нужна, в Ахале сделаем сами», говорили джигиты, провозя таким образом домой много оружия. Кроме австрийских и немецких винтовок, каждый из джигитов вез револьверы, патроны, гранаты. Каждый джигит должен был вооружить свой дом и друзей, а лишнее продать по высокой цене в Хиву иомудам, персам и в Афганистан. Кстати, замечу, что хивинские иомуды вооружились за счет фронта через текинцев, а все-таки главным образом через армян, которые заполнили огнестрельным оружием Персию и Хиву за счет Кавказского фронта.

Занятый рассматриванием оружия и удивленный хитростью туркмен, я не заметил подошедшего Баба, передавшего мне приказание Сердара явиться к нему. Попрощавшись с делегацией, я отправился к Сердару, которого застал, по обыкновению, за гёок-чаем.

– Садись, Хаджи Ага, есть важная новость, и я хочу посоветоваться с тобой по этому поводу, – сказал Сердар, протягивая мне пиалу с гёок-чаем.

Наступила тишина, прерванная Сердаром.

– Командир полка получил телеграмму, предупреждающую о приезде комиссаров для присутствия во время присяги полка Временному правительству. По этому поводу вы, переговорив с муллой, приготовьтесь к церемонии. Мне кажется, не все джигиты хорошо знают молитву для этого случая. Если нет, то научите их! – закончил Сердар.

Наступила тишина, которую опять нарушил Сердар.

– Как мне, Хаджи Ага, не хочется присягать этой сволочи, а все-таки придется, иначе нас могут объявить бунтарями и тогда ни за что ни про что полк погибнет здесь, в этом хаосе.

– Джигиты могут сказать вам, Сердар Ага, что зачем нам присяга, если мы раз присягали на верность России. Для нечестного воина присяга не имеет цены – он ее может нарушить в любое время. Если в состав Временного правительства вошли люди не русские, а иностранцы и не доверяют нашей первой присяге, то, Сердар, разреши нам, скажут джигиты, разъехаться по домам, – сказал я.

– Вот этого-то, сын мой, я и сам боюсь! Ах, если бы была возможность избежать этой комедии, я бы с удовольствием это сделал, но, конечно, не осложняя положение полка. Кроме того, – добавил он, протягивая мне четвертую по счету пиалу, – по приказанию командира полка все приказы, получаемые из Петрограда, будешь переводить на туркменский язык ты, а читать их – мулла, так как боюсь, что джигиты по приезде в Ахал будут иметь на меня претензию, что я их не держал в курсе всех событий, – закончил Сердар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.